

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КЫРГЫЗСТАНА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

С.В. Плоских

Рассмотрено участие интеллигенции Кыргызстана в политических процессах советской истории, взаимодействие интеллигенции и власти, судьбы многих первых интеллигентов Кыргызстана.

Ключевые слова: власть; интеллигенция; Алаш-Орда; пантуранизм.

Одной из важнейших в любой культуре является проблема взаимоотношения интеллигенции и власти. Именно интеллигенция, несмотря на свою малочисленность, является тем слоем населения, который способен формировать настроения и взгляды представителей того или иного общества. Это обуславливает особое отношение к интеллигенции со стороны власти. С одной стороны, власть не может игнорировать точку зрения интеллигенции, а потому для усиления своего влияния на общество стремится сделать ее своим союзником, включая ее представителей во властных структурах. С другой стороны, власть не может допустить превращения интеллигенции в альтернативный центр влияния. Центральным в отношении власти к интеллигенции является недопущение самостоятельности в ее влиянии на общество, и в тоже время использование ее потенциала.

Хаотическое состояние общества, переживающего кризис, нуждается в идеях, способных осмыслить опыт, найти опорные точки в понимании происходящих процессов, в том числе о преобразованиях, начинаемых “сверху” и “снизу”, альтернативности общественного развития и о роли интеллигенции в этих процессах.

Сама власть – это институционально оформленная возможность определять и контролировать массовые формы поведения других людей, средств и способов управления их деятельностью

[1, с. 213]. Все общество делится на тех, кто участвует, и тех, кто не участвует во власти. Борьба за власть во всяком обществе облекается в идеологические формы, а лидер любого ранга так или иначе влияет на все процессы, происходящие в обществе.

Революции 1917 г. всколыхнули волны национального возрождения и самоопределения. Возникают и исчезают партии нерусских народов России, в том числе и основанные на национальных идеях пантюркизма и панисламизма, но ориентированные на социализм.

Один из руководящих работников Наркомнаца России Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев был признанным лидером пантюркизма. Основной тезис в программе Султан-Галиева состоял в том, что “мусульмане страны являются пролетарскими народностями” и их борьба имеет одну общую цель – социалистическую революцию. Позже он пришел к исключительной мысли, что в “понятии мусульман весь мусульманский мир, без различия национальностей и племен, является одним нераздельным целым”. Все идеологи пантуранизма высказывались за необходимость создания такой политической партии среди тюркских народов, которая защищала бы интересы всех классов тюркотатарских народов [2, с. 14–15].

В Средней Азии идеи пантуранизма оформились в движение “Алаш”, призывающее к националистической автономии. Его лидером и идеологом

в Казахстане в конце 17 – начале 20-х годов был кадет А. Букейханов. В основе партийных документов и деклараций алашордынцев лежали программные идеи пантюркизма и пантуранизма, и они не могли не затронуть мыслящих представителей нарождавшейся кыргызской интеллигенции, тем более что грубая практическая реальность не соответствовала социалистическим идеалам национальных интеллигентов. Позже, в 1933 г. К. Тыныстанов, виднейший культурный и политический деятель республики, писал, что и он до 1922 г. “воспевал идеи контрреволюционной партии Алаш-Орды, призывая казаков и киргиз к национальному объединению и призывая развиваться по пути буржуазному вне Советского Союза, вне руководства пролетариата и его партии” [3, с. 162].

Борьба за власть во всяком обществе облекалась в идеологические формы. При этом важнейшими компонентами в идеологических конструкциях выступали понятия общего блага или блага народа, интересов общества, нации, народа или государства, интересов прогресса, потребности общественного развития, свобода личности, борьба против угнетения и эксплуатации и другие ценности, формулируемые теоретиками соответствующих движений и рассчитанные как на легитимизацию деятельности политической группы, борющейся за приобретение власти или за ее упрочение, так и на массовую поддержку [1, с. 214].

Интеллигенция в советское время была нужна власти, чтобы заставить ее служить. Поэтому вхождение во власть могло быть только полнокровным, со всей отдачей правящей идеологии. В противном случае – фатальный конец.

Если попытаться в немногих словах выразить общественную атмосферу в стране в первые годы после Октябрьской революции, следует, прежде всего, отметить рост самосознания народа. Советские люди, пройдя через тяжелейшие испытания революцией, принялись за возрождение страны и её государственности, за создание собственной государственности на национальных окраинах, за развитие экономического потенциала, возрождение духовности.

В 1922 г. группа кыргызской интеллигенции, возглавляемая А. Сыдыковым, И. Арабаевым, поднимает вопрос о самоопределении кыргызского народа в рамках Горной области [4, с. 72–74]. В 1922 г. борьба за власть различных группировок интеллигенции и вмешательство “сверху”, в том числе и лично Сталина, помешали оформлению Горной области.

В.П. Шерстобитов комментирует события тех дней таким образом: “Ни фактически, ни юридически так называемая Горная область никогда создана

не была, а потому желание вести отчет образования киргизской национальной государственности с 1922 г. не имеет никакого основания... Более того, эта позиция может принести молодому суверенному Кыргызстану немалый вред”. Для Кыргызстана, считает ученый, «муссирование вопроса о Горной области может представлять и другую опасность: эта область вдохновителями ее создания мыслилась как замкнутая территория, которая должна была охватить лишь Пишпекский и Каракольский уезды. Не дает ли это кое-кому “kozyрь” (при стечении неблагоприятных обстоятельств) претендовать на территорию нынешнего Южного Кыргызстана? Во всяком случае, при желании определенных сил в проблеме Горной области можно без труда найти “основание” для нежелательных для Кыргызстана территориальных претензий, могущих угрожать этнической целостности кыргызской нации. Словом, “безобидный” спор о Горной области может нести подспудные политические опасности, которые нельзя не учитывать»[5].

Решающую роль в росте самосознания народа играла идеология, лидеры страны, декларирующие, что народ – решающая сила истории. Объективно это возвышение народного самосознания вело к укреплению тоталитаризма, авторитаризма, режима безграничной личной власти и в то же время таило в себе угрозу прежней власти, укрепляло гражданские позиции в обществе.

Первым проявлением открытого организационного противостояния официальному курсу партийного руководства Кыргызстана стало принятие идейной оппозиционной программы инакомыслящих интеллектуалов так называемого “заявления тридцатки” в 1925 году. Оно было направлено на имя Национального Совета ЦК РКП(б), Средазбюро ЦК РКП(б) и Киробкома партии и выражало экономическое и политическое кредо его инициаторов, выступавших за иной курс государственного переустройства.

“Национальное регулирование Средней Азии и создание Автономной Киргизской области должно было внести единство среди кыргызского народа, постепенно ликвидировать родовую вражду и все те группировки, которые создавались как следствие долгих лет колониционной политики, проводимой царским правительством на далекой окраине” [6, с. 177]. Но этого, говорилось далее в документе, не произошло. “Партаппарат строился по групповому принципу близости и личной связи того или иного работника с руководящей верхушкой Обкома, еще больше разгорелась внутривнутрипартийная групповая борьба и родовая борьба в массах, выявилась линия игнорирования целого ряда коренных работников,

знающих прекрасно местные условия работы и могущих быть полезными партии и Советской власти в проведении правильной линии на местах, особенно земельной политики” [6, с. 178–179]. В заявлении негативно характеризовался стиль работы Киробкома и как следствие этого рассматривались трудности восстановительного периода в республике.

Идейным лидером “тридцатки” и автором заявления был Абдыкерим Сыдыков. Заявление подписали также Ишеналы Арабаев, председатель Кыргызского облисполкома А. Уразбеков (Орозбеков), И. Айдарбеков, Чукин и другие. Много позже, через 13 лет, на допросе в НКВД 10 февраля 1938 г. А. Сыдыков заявил: “Я признаюсь в том, что был организатором и идейным вдохновителем этих тридцати человек, подписавшихся под явно анти-советским националистическим документом”. В 1925 г. лидеры “тридцатки” были исключены из партии, освобождены от руководящей работы. А. Сыдыков был выпроважен из республики в Ташкент на рядовую работу.

Конец 20-х – начало 30-х гг. характеризуется экономическим кризисом в СССР, политическим противостоянием сталинскому курсу построения социализма. Для руководства парторганизациями присылали партийных лидеров из центра, а руководителями сельских хозяйств становились некомпетентные лица. Это усиливало шовинистические амбиции части русскоязычного населения и как противодействие им нарастали националистические проявления среди представителей коренных народов. На этой почве в среде интеллигенции вызревали оппозиционные настроения официальному курсу партии построения социализма в одной стране, выдвигалась альтернативная идея слияния пантюркизма и социализма, велись интуитивные поиски пути создания социалистической туранской организации.

В 1929 г. группа критически настроенных кыргызских интеллигентов всерьез задумались о правильности путей построения социалистического общества, на которые указывали И.В. Сталин и его окружение в ЦК ВКП(б), весьма далекие от понимания специфических условий жизни среднеазиатских окраин. Они видели, что единая генеральная линия большевистской партии во всех регионах ведет не к процветанию и благоденствию, а к обнищанию народа, надвигающемуся голоду, разорению. Лучшие представители интеллигенции, интеллектуалы, которые уже были в опале у режима, не могли не анализировать обстановку, складывавшуюся в экономике и общественно-политической жизни Кыргызстана и соседних республик, и не задумываться над

перспективами развития своих республики и народа, не искать путей построения нового общества в Среднеазиатско-Казахстанском регионе, в древности известном как Туран.

Идеологический прессинг административно-командной системы работал на усиление культа личности Ленина, Троцкого, Сталина. Нередко и само массовое сознание приписывало практически все достижения страны и народа только партии, вождю народа. Разумеется, в этой обстановке система включила испытанные защитные механизмы и временное возвышение демократии сменялось волной чрезвычайных репрессивных мер. Так было в СССР в целом. Так было и на его окраинах. Так было и в союзных республиках, в том числе и в Кыргызстане. С руководящих постов устранились люди, известные своими более или менее радикальными и демократическими взглядами, проводились чистки на местах. В “широкий бредень” репрессий 30–50-х гг. попали даже те, кто просто не спешил встать в ряды “согласных”. По многим партийным и советским кадрам, особенно интеллигенции, нанесли удар политические процессы против “врагов народа”. Разгромы проходили в Москве и Ленинграде, Ташкенте, Алма-Ате и Фрунзе, “суды чести”, многочисленные “дела” молодежных групп, травля ученых и деятелей культуры под флагом борьбы с космополитизмом и тому подобными “измами”.

В России дольше других европейских стран сохранялась некая реалистическая совокупность смыслов за понятием “народ”. Однако в СССР в 30-е гг. XX в., когда модернизация осуществлялась методами тотального насилия, ранее сложившиеся смыслы этого понятия распадаются. Государственная власть (партия и была государством) выступила против “народа”, создавая одновременно новую культурную элиту или слой законопослушной интеллигенции. Власть опиралась в своих тотальных преобразованиях на поддержку народа, а народ оказался пространственно разделенным колочей проволокой. Представители власти были людьми из народа, но дистанцировались от него.

Надо сказать, что все репрессивные акции были восприняты обществом в 50-е гг. несколько иначе, нежели в 30-е. Нарастал осознанный и неосознанный стихийный протест, который давал о себе знать в общественной жизни. Особенно он проявлялся в творчестве в среде интеллигенции, в духовной сфере. Разумеется, вести речь о решающих сдвигах мы не можем, но тенденции выступали. Это уже был кризис авторитарной системы, резко ускорившийся после 1953 г. со смертью Сталина.

Опыт истории СССР заключается в том, что народ оказался многократно расколотым по разным основаниям и перестал быть некоторым однородным объектом властных воздействий, направленных к его собственному благу или, наоборот, к его гибели. При этом сама власть, борьба за нее, институты власти и методы ее использования стали мощнейшим средством раскола и народа, и общества.

В борьбе за власть допускаются на практике различные формы обмана и насилия. При этом и то и другое оправдывается как сложившейся практикой политической борьбы, провозглашаемыми угрозами или реальными действиями противоположной стороны, так и декларациями о стремлениях с помощью меньшего зла – обмана или насилия – предотвратить большее зло. Иными словами, насилие допускается в качестве средства для достижения ценностей более высокого порядка, т.е. ради общего блага, ради общественного спокойствия и т.п. целей [1, с. 214].

И сегодня человечество не сделало логических выводов из современных основ государственной жизни. Сегодня, когда возросло значение народных масс и их интересов не только в политическом, но и особенно в социальном их отражении, причем в глобальных масштабах, судьбы народной интеллигенции являются важным моментом, на котором проверяются демократизм и гражданственность нового общества. В связи с этим резко меняется политика государства и его отношение к интеллигенции.

Переживаемое сейчас время – время коренной и глубинной демократизации государственного строя, правда, еще не установившейся, но уже мощно влияющей на формы этого строя.

В наше время выступает новая неизбежно побеждающая идея – идея о государственном объединении усилий человечества – в том числе, государственной власти стран и граждан этих стран. Решающая роль, хотя пока и неосознанно, отводится именно интеллигенции как духовному, моральному стержню общества. Взаимоотношения интеллигенции и власти чрезвычайно важны, поскольку власть не просто отражает интересы, она творит новые отношения, конструирует социальный мир, причем независимо от того, переживает общество период стабильности или кризиса, сопровождающегося потерей управляемости, двоевластием или безвластием. Главное качество власти – способность к конструированию отношений между людьми. Главная

задача власти – использовать потенциал интеллигенции на благо государства, на благо народа.

Новая идея может иметь место только при широком использовании потенциала интеллигенции на благо государства, а по существу – на благо народных масс. Без интеллигенции идея о государственном объединении усилий человечества не сможет не только победить, но и даже просто “выступить”. Возьмем происходящие почти повсеместно и постоянно государственные перевороты, захваты власти, социальные революции и т.д. Только интеллигенция, только ученые и только наука смогут обосновать, проанализировать правомерность происходящих событий и создать действенную программу выхода из кризиса и созидания гражданского, процветающего общества.

Общеизвестно, что на крутых поворотах истории любой страны самой равнодушной является интеллектуальная ее часть. Главное, свое равнодушное она имеет возможность научно проанализировать, сопоставить с аналогами истории и высказать свои предварительные выводы и предложения обществу.

Трансформация тоталитарного режима в авторитарный, а авторитарный в гражданское общество происходит не мгновенно. В каждом последующем политическом режиме сохраняется еще много родовых черт предшествующего строя. Поэтому и сегодня можно говорить о формировании лишь элементов гражданского общества, идеологическим стержнем которого выступает интеллигенция.

Литература

1. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. М.: АспектПресс, 1996.
2. *Плоских В.* Манас не признал себя виновным (по материалам следственного дела № 5630). Бишкек, 1993.
3. Касым Тыныстанов: Талант и судьба// Сборник документов. Бишкек, 2011.
4. *Маанаев Э., Курманов З., Курумбаева Г.* Кыргызская интеллигенция: становление, роль в общественно-политической жизни (20–30-е годы). Бишкек: КГПУ, 2001.
5. Из неопубликованного письма академика В.П. Шерстобитова академику К.К. Каракееву (из личного архива К.К. Каракеева).
6. *Курманов З.К.* Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. Бишкек, 2001.